

Как регулируется использование языков в Казахстане, на Украине и в странах Балтии

Тема языкового регулирования в странах постсоветского пространства может показаться на первый взгляд излишне сухой. Несмотря на то, что границы использования языка в повседневной жизни крайне флюидны — исследованием этого занимается раздел филологии называемый социолингвистикой — юридическое регулирование устроено довольно просто. Государство своими нормативными актами способно легко выстроить границы использования языка внутри страны. Таким образом, самым простым и топорным способом найти ответ на заявленный в названии темы вопрос было бы привести выдержки из законодательного корпуса приведенных выше стран.

Но, раз уж мы упомянули филологию, то надо вспомнить, что помимо самого текста существует и затекст, то есть то, что этот текст порождает. А соответственно, за любым нормативным актом кроется причина, по которой он получился именно таким, а не иным. Таким образом, от сухого вопроса «как регулируются языки» мы переходим к вопросу «почему именно так регулируются языки». И теперь поле для исследования становится куда более интересным.

Очевидным, но всё же нуждающимся в проговаривании фактом является то, что как Казахстан, так и Украина с Литвой, Латвией и Эстонией, на протяжении значительной части своей истории были составными частями сначала Российской Империи, а потом и Советского Союза. Процесс их становления и формирования как национальных государств происходил по-разному и в разные промежутки времени, однако объединяет их то, что как и для любых постимперских стран, в качестве образа конституирующего «Другого» для них выступала та империя, в которую они прежде входили [17]. Для стран Балтии и Украины это скорее была сама Российская Империя,

всё же у них был почти тридцатилетний период независимости в первой половине XX века, для Казахстана конституирующим «Другим» был скорее Советский Союз, определивший контуры этого государства.

Поэтому в качестве первого этапа исследования кажется разумным предложить рассмотреть, какая языковая политика проводилась Советским Союзом в отношении народов и национальностей его населявших. Справедливо можно возразить, что для стран Балтии это должна быть языковая политика Российской империи. Однако в тот период образование ещё не было настолько «тотальным», а государство не в полной мере контролировало школьное образование, тот этап, на котором происходит усвоение языков. Так что и для стран Балтии их нынешняя языковая регуляция будет так или иначе связана именно с советским опытом.

Сначала попробуем рассмотреть советскую языковую политику во всесоюзном масштабе. Первый этап языкового строительства длился с начала 1920-х годов по середину 1930-х годов, в этот период был взят курс на «коренизацию» всех внутривластных структур, иначе говоря, максимально широкое вовлечение в административную деятельность местного населения. Считалось, что русскоязычное население должно было постепенно усвоить местные языки, а партийный аппарат должен был сделать это в кратчайшие сроки [5, с. 270].

В этот же период молодое советское государство фактически отказывается от правовой категории «государственный язык». В конституции СССР 1924 года, де-факто утверждается перечень официальных языков, на которых может осуществляться государственное управление и вестись делопроизводство. В первой редакции это русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и «тюрко-татарский» (современный азербайджанский), затем с установлением границ новых советских республик к ним прибавятся узбекский, туркменский и таджикский [2, с. 158].

К началу 1930-х годов многие языки Советского Союза переводят на латиницу. Кроме попыток оторвать народы от пережитков прежнего

общественного строя, латиница воспринимается как прогрессивная письменная система, которая должна способствовать мировой революции. Внутри государственных органов мултируется и идея перевода русского языка с кириллического шрифта на латинский. Как утверждалось, русский алфавит «плохо приспособлен к движениям руки и глаза современного человека» [5, с. 279-280].

Затем происходит смена ориентиров в языковой политике. С 1934 года начинается переход уже латинизированных языков на кириллицу. А 13 марта 1938 года выходит постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», которое фактически будет определять языковую политику советского государства до конца его существования [5, с. 282]. Можно сказать, что это является поворотным моментом во внутрибольшевистской дискуссии о приоритетности мировой революции или строительства социализма в отдельно взятой стране. Побеждает второй подход [2, с. 160].

Ещё одним важным документом, связанным с советским языковым регулированием является закон «Об укреплении связи школы с жизнью» 1958 г.. По этому закону, родители получали право выбирать школу и обучение в зависимости от языка. Формально нацеленное на сохранение многообразия языковой среды начинание, в итоге в первую очередь укрепило позиции русского языка. Многие родители из национальных республик отдавали своих детей именно в русские школы, надеясь, что в дальнейшем совершенное владение русским языком увеличит их социальный капитал и повысит их социальную же мобильность [5, с. 286].

Другим значимым событием, не имевшим собственно правового аспекта, но воспринятым многими интеллектуалами союзных республик как шаг в сторону русификации стала ташкентская конференция 1979 года «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». На ней Л.И. Брежнев помимо объявления о формировании суперэтнуса «советский

народ» заявил, что «объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека» [2, с. 161].

Единственная попытка проводить жесткую языковую политику, связанную с русификацией страны, была предпринята только на самом излете СССР в 1990 году. Тогда был принят закон «О языках народов СССР», где впервые в истории русский язык провозглашался официальным языком Советского Союза. Однако в реальности он так и не был приведен в действие [2, с. 163].

Далее следует поговорить некоторые социолингвистические особенности каждой из анализируемых стран, которые могли оказать влияние на формирование последующих регуляторных практик.

Прибалтика

Среди остальных прибалтийских республик *Эстонию* отличало то, что к моменту вхождения в СССР практически 100 процентов населения были грамотными. В 1956-57 учебном году 77 процентов школ вели преподавание на эстонском языке. В 1972 году — 73 процента, что было даже превышало количество эстонского населения республики. Однако, если сравнивать количество часов отводимых на изучение языков, то в учебном году 1978-79 в неделю приходилось 68 часов эстонского языка и 43 часа русского [33, с. 98]. Во многом такая пропорция, накладываясь на давнюю историю национальной образовательной системы, привела к крупным протестам 1980 года против русификации республики, чьим финальным аккордом стало «Письмо сорока», в котором видные представители эстонской интеллигенции призывали к сохранению национальной культуры и языка [34]. Протесты были жестко подавлены и с 1981 года русскому языку начали обучать с первого класса [33, с. 99]. К 1989 году 61,5 процент населения проходил по данным переписи как эстонцы.

В *Латвии*, в свою очередь, в 1940 году всего 60% населения было грамотным. Другим значимым фактом является то, что в 1989 году только 52

процента населения были латышами. А тех представителей титульной национальности, кто составлял номенклатурную элиту, многие происходили из латышских семей, долгое время проживавших на территории Советской России и лишь позже переведенными на историческую родину. Города Латвии были настолько русифицированы, что, по опросу 1989 года, 85% населения начали бы разговор с незнакомцем на улице с обращения по-русски [33, с. 99-103].

Разговор о *Литве* довольно сложен, в силу того, что в её крупных городах страны вплоть до периода после окончания Великой отечественной войны доминировали другие национальности — еврей-ашкеназы, поляки и русские [3]. Литовцы воспринимались в первую очередь как деревенские жители [12,13]. Однако события времен ВОВ, которые иногда сравнивают с этническими чистками, привели к гомогенизации населения. В дальнейшем литовский национальный проект также мало располагал к переселению туда инонационального населения — достаточно вспомнить, что именно на территории этой советской республики дольше и жестче всего действовали «лесные братья» — и в 1989 году, по данным последней советской переписи населения литовцы составляли 80% от жителей страны [33, с. 104].

Казахстан

Казахская ССР имела схожую социолингвистическую ситуацию как и другие среднеазиатские республики. В 1919 году грамотными были только два процента населения [33, с. 150]. Языком литературы считался персидский, также важна была и роль арабского языка как священного языка ислама. Современный казахский был кодифицирован и составлен в 1920-1930-х годах советскими учеными, но, как и для многих языков того периода была разработана сначала латинская, а только потом, в 1940 году, введена кириллическая графика. С определенной натяжкой можно говорить, что образовательная система в Казахстане с самого момента своего появления была советской, а соответственно ориентировалась на русский как на полноценный второй язык. В 1989 году 60,4% национального населения

республики считали, что равноценно владеют двумя языками [33, с. 151] — наивысший результат среди всех субъектов СССР. В то же время, местная идентичность не была утрачена, в 1986 году большие протесты вызвало назначение первым секретарем компартии Казахстана этнического русского Г.В. Колбина [21].

Украина

В дореволюционное время украинский язык регулировался по разному в зависимости от государств, в которые входила территория современной Украины. В Австро-Венгрии использование украинского было свободным, в то время как в царской России встречало всевозможные сложности. В советское время украинский регулировался по тем же правилам, по которым регулировались и другие языки Союза. В то же время, русский язык считался языком городским и обладал значительно большим престижем чем украинский — язык села. Однако в результате урбанизационных процессов в позднем СССР роль украинского значительно повысилась и баланс в престижности сместился [33, с. 83-86].

Следующий этап исследования — анализ языкового регулирования в вышеуказанных странах после распада Советского Союза и приобретения независимости.

Независимая Эстония

На настоящий момент титульная нация составляет 68,8% населения Эстонии, крупнейшим национальным меньшинством являются русские — 24,3%, за ними следуют украинцы — приблизительно 2% [31].

Первый языковой закон в Эстонии был принят ещё до формального распада союза, в 1989 году. В нём эстонский язык объявлялся государственным, но за русским языком признавался статус языка межнационального общения [15].

Конституция Эстонии 1992 года установила, что единственным официальным языком страны является эстонский. Она провозглашала необходимость сохранения эстонских национальности, языка и культуры [23,

с. 147]. В 1995 году был принят новый закон «О языке», который установил достаточно жесткие требования к использованию языка в общественном пространстве. В нём фиксировалось понятие языка национального меньшинства, а также предусматривались некоторые возможности для использования языков меньшинств на официальном уровне [19]. Новая редакция этого закона выйдет в 2011 году и будет в целом поддерживать прежнюю линию [7].

Закон «О гражданстве» 1992 года лишал избирательного права около трети населения страны и устанавливал требование владения официальным языком для получения гражданства. Предполагается, что освоение эстонского языка должно происходить в школах, поэтому даже в школах государственных меньшинств соотношение занятий на эстонском и иностранном языке установлено в соотношении 60:40 соответственно [23, с. 150]. В то же время среди эстонского руководства имеются планы полностью перевести образование на эстонский язык к 2035 году [28].

Одновременно с этим для соблюдения закона «О языке» в Эстонии с 1998 года действует Языковая инспекция, чьей основной целью является контроль за использованием официального языка внутри государственной власти, а также в сфере обслуживания, торговли и здравоохранения. Инспекция обладает правом выносить штрафы за незнание языка и часто этим правом пользуется. Устоялось восприятие этой структуры как «карательного» органа, направленного на подавление русского языка [29].

Несмотря на то, что формально языковая политика эстонского государства с момента его появления практически не менялась, отмечается два разных по своему смысловому наполнению этапа. Если на протяжении большей части 90-х годов задачей эстонизации было выдавливание инонационального элемента, то затем ситуация поменялась: оказалось, что невозможно гомогенизировать общество за счет выдавливания национальных меньшинств и начала предприниматься попытка хотя бы обеспечить владение языком всех граждан страны [19]. Определенное

влияние на это оказало вступление Эстонии в ЕС и участие в Рамочной конвенции Совета Европы по защите прав меньшинств [32].

Независимая Латвия

На 2021 год латыши составляют 62,7% от общего населения страны в 1 893 223 человека. Доля русских составляет 24,5%. Остальное население составляют украинцы, белорусы, поляки, литовцы, а также небольшое количество евреев и эстонцев [30].

Государственный статус латышского языка был закреплен в конституции Литовской ССР в 1989 году, тогда же был принят закон «О языках», действовавший до 2000 года. В 1999 году был составлен закон «О государственном языке», который предусматривал, что всё делопроизводство в органах власти и все обращения к ним составляются только на латышском языке [23, с. 149].

По решению Верховного совета Латвии от 15 октября 1991 «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации» гражданство получали только те лица и их потомки, которые являлись гражданами государства на 17 июня 1940 года. Это привело к появлению значительной прослойки «неграждан». закон «О гражданстве» 1994 года устанавливал правила приобретения гражданства, важнейшим из которых было знание латышского языка, однако лица, прежде имевшие отношение к советским органам власти на гражданство рассчитывать не могли. В 1995 году был издан закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства», юридически установивший статус «негражданина» [23, с. 148-149].

Последовательное наступление на русский язык происходило последние 30 лет в системе латышского национального образования, встречая на своём пути, впрочем, значительное противодействие со стороны русскоязычных активистов. Согласно поправкам к закону «Об основной школе и гимназии» 1995 года, в начальной школе для национальных меньшинств предполагалось преподавание как минимум двух предметов на

государственном языке и не менее трёх — в средней. Согласно новому закону «Об образовании» 1998 года, ставилось целью к 2004 полностью обучать учеников старшей школы на латышском. Этот закон вызвал значительное сопротивление со стороны нелатышей и в результате был предложен иной вариант — известная уже пропорция 60:40 для старшей школы. Так продолжалось до 2019 года, когда новые поправки в закон обязали проводить не менее 50% занятий в начальной школе на латышском, в 7-9 классах — не менее 80%, а в 10-12 классах все занятия должны вестись только на латышском языке. Несмотря на протесты русскоязычной общественности и МИД России, резонанс это событие получило куда меньший чем схожие реформы в 2004 году [8, с. 83-87].

Использование национального языка с 1992 года контролируется Центром государственного языка, который, подобно своему эстонскому «коллеге», также имеет весьма неоднозначную славу [25].

Как можно убедиться, эстонское языковое регулирование во многом берёт за пример латвийское. Латвия практически с самого первого дня своего существования ведет планомерную политику по вытеснению языков меньшинств из общественного поля, хотя и встречает на этом пути значительное сопротивление со стороны местного крупного русскоязычного сообщества.

Независимая Литва

Согласно данным переписи населения 2011 года, 84,2% населения страны — литовцы, 6,6% — поляки, 5,8% — русские [35].

Поскольку Литва является куда более мононациональным государством чем Эстония и Латвия, то проблем, связанных с языками меньшинств значительно меньше. Из всех прибалтийских стран только в Литве все лица, имеющие постоянную прописку, автоматически получили гражданство новой независимой страны. Конституция государства закрепила право национальных общин самостоятельно заниматься делами своей

национальной культуры, просвещением, благотворительностью, взаимопомощью [20, с. 145].

Закон «О национальных меньшинствах» был принят в 1989 году и считался одним из самых либеральных в Европе. Однако срок его действия истек в 2010 году, с тех пор постоянно предпринимаются попытки принять новый. В датируемом 2020 годом проекте нового закона впервые предлагается завести при министерстве образования орган, который будет заниматься вопросами школ национальных меньшинств [18]. В 2013—2014 гг., в школах нацменьшинств училось 7,5% всех учащихся, 4% — в школах с обучением на русском языке. В этих школах литовский изучается с первого класса, что приводит к хорошему освоению государственного языка к выпуску [11, с. 206].

В целом, отношение к национальным меньшинствам и их языкам в Литве наиболее толерантное из всех прибалтийских государств. Это можно связывать с небольшой в процентном соотношении численности инонациональных жителей страны. Впрочем периодически некоторые инициативы государства в области образования всё же встречают сопротивление со стороны польской и русской диаспор [4, с. 83].

Независимый Казахстан

На 2021 год 69,01% населения Казахстана составляют казахи. 18,42% — русские, а третье место занимают узбеки с 3,29% [27].

Казахский язык провозглашался государственным в первой Конституции независимого Казахстана, русский же объявлялся языком межнационального общения, которому гарантировалось сохранение свободы применения. В действующей Конституции, принятой на референдуме 1995 года, казахский сохранил звание государственного, но также там было прописано, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наряду с казахским употребляется и русский язык. Конституционный Совет Республики Казахстан также в своих актах продолжает ориентировать на равное использование русского и казахского

языка. Государственные программы функционирования и развития языков на 2001-2010 годы и на 2011-2020 годы руководство Казахстана ставило целью для будущих поколений владение тремя языками — казахским, английским и русским [1, с. 28-29].

В образовательной сфере русский язык никак не ограничивается. Из 7000 действующих в стране школ чуть больше половины организуют образование только на казахском языке, 16% являются исключительно русскоязычными, а 30% предлагают обучаться на двух языках [10].

В то же время, несмотря на широкую популярность русского языка, определенные тенденции к уменьшению его роли имеются. В 2018 году в Казахстане была утверждена программа по переводу казахского языка на латиницу, что может привести к конфликту при использовании двух письменных систем. Периодически возникают слухи о переводе образования целиком на казахский язык [16], имеют место и провокации местных националистов, требующих от работников сферы услуг знания национального языка [14].

Независимая Украина

Согласно данным последней переписи населения Украины, состоявшейся двадцать лет назад в 2001 году, украинцы составляли 77,8% населения страны, русские — 17,3%, доля остальных национальных меньшинств незначительна [26].

В 1989 году Верховной Радой был введен в действие закон «О языках в Украинской ССР», в котором украинский признавался государственным языком, а русский — языком межнационального общения. Гражданам страны гарантировалось право пользоваться своим национальным или любым другим языком. После приобретения независимости статус украинского языка как национального был закреплен в Конституции 1996 года, а другим языкам национальных меньшинств (включая русский) гарантировалось свободное развитие использование и защита. В 2012 году правительство Украины приняло закон «Об основах государственной

языковой политики», который устанавливал статус регионального для русского языка в 13 из 27 регионов. Предполагалось, что в областях страны с преобладанием русскоязычного населения, наряду с украинским государственным языком будет использоваться и русский на всех уровнях госуправления и общения [24, с. 26-28].

Однако события 2014 года привели к тому, что закон так и не был реализован в полной мере. Верховная Рада проголосовала за отмену закона, однако и.о. президента Александр Турчинов отказался одобрить это решение, в результате закон был отменен только решением конституционного суда в 2018 году [9].

Закон «Об образовании» 2017 года являлся резким наступлением на прежде свободно функционировавшие русскоязычные школы и школы других национальных меньшинств. Предполагалось, что с 2020 года неукраиноязычные школы прекратят своё существование. Это вызвало резкую негативную реакцию как со стороны России, так и со стороны государств ЕС, имеющих свои национальные диаспоры на Украине [9]. Однако на настоящий момент рассматривается возможность отсрочки приведения этого закона в действие до 2023 года [22].

Самым же жестким шагом Киева по отношению к языкам национальных меньшинств стал закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», вступивший в силу в середине 2019 года. Целью ставится полный переход страны на украинский язык, исключение делается только для религиозных обрядов и частного общения. За исполнением закона следить должны будут специальные «языковые инспекторы» [9]. Подобное агрессивное выступление вызвало реакцию даже со стороны Совета Европы, который выпустил коммюнике в котором рекомендовал Украине не вводить в действие закон до принятия отдельного закона о меньшинствах [6].

Итоги

Как мы видим, в разных постсоветских государственных образованиях регулирование языка развивалось по разному. Хотелось бы подвести принципы формирования регуляторных практик под некоторую единую парадигму, связав её с предыдущим советским или имперским периодом, однако оказывается, что текущая языковая политика лишь в малой мере является преемственной или реакционной по отношению к политике прошлого, а скорее отражает исторические травмы и попытки национального самоопределения.

Самые мягкие и наименее конфликтогенные регуляторные практики из представленных сложились в Казахстане и Латвии. Впрочем, причины их оказываются различными. Казахстан обладает значительным русскоязычным меньшинством, а его нынешнее руководство вышло из советских номенклатурных элит и во многом продолжает эту традицию. Также в начале 1990-х годов перед Астаной стояла задача удержать в стране специалистов русского происхождения, которым молодая республика не могла подобрать квалифицированной замены. В долгой перспективе это решение оказалось верным — по сравнению с другими центральноазиатскими странами, лишившимся по разным причинам большей части русскоязычного населения, Казахстану удалось сохранить советскую производственную базу и стабильно, пускай и не самыми быстрыми темпами, развиваться.

Литовский мягкий подход к языковому регулированию обусловлен небольшим присутствием в стране национальных меньшинств, а соответственно отсутствием ощущения угрозы для национальной идентичности. Во многом такая социокультурная ситуация связана с тем, что в период предшествовавший Второй мировой войне и в годы самой войны литовское националистическое правительство практически ликвидировало всё национальное многообразие этих территорий. Миграция русскоязычного населения после входа Литвы в Советский Союз также наталкивалась на значительное сопротивление со стороны литовцев и была многократно меньше миграции в другие прибалтийские страны.

Самое жесткое регулирование языковой среды, которое можно во многом назвать даже репрессиями по отношению к русскому языку, осуществляется в Латвии. После распада СССР Латвия начала выстраивать свою идентичность на жесткой оппозиции советскому строю. Советский период признается временем «оккупации», который подорвал латвийскую государственную преемственность. «Оккупация» становится основой национального мифа, который подкрепляется различными символическими действиями — широким пиаром музея оккупации Латвии, а также проведением закона об отрицании этого явления. Соответственно, всё русскоязычное население воспринимается в качестве потомков оккупантов, право которых на проживание на территории страны представляется сомнительным. Однако попытки выдвинуть русскоязычное население в первые годы независимости оказались безуспешными, и латвийское правительство сменило свою линию поведения на медленное и постоянное давление.

Эстония по своей линии поведения в языковом вопросе во многом похожа на Латвию. Эстонцы имеют схожее отношение к советскому прошлому и схожие проблемы с местным русскоязычным населением. Но во многом в языковой сфере они следят за поведением Латвии и перенимают у них самые «удачные» практики.

Другим таким последователем латышских регуляций стала Украина. До событий 2014 года национальные меньшинства могли пользоваться своим языком и обучаться на нем свободно, его обязательно учили и многие украинцы. Однако нынешние правящие элиты Украины нацелены на полную и форсированную украинизацию страны. Русский язык вытесняется из сферы публичного употребления. Вводятся новые законы о языке и предлагается, очевидно по прибалтийскому примеру, вводить языковые инспекции.

Перспективы и потенциальные рабочие направления

В среднесрочной перспективе наиболее позитивными представляются тенденции в Казахстане. Как указывалось выше, языковое регулирование в

этой стране не является репрессивным в отношении русского языка и языков меньшинств. В то же время демографические тенденции говорят о постепенном увеличении казахского населения. Вкупе с этим постепенный отход от власти людей связанных с советскими номенклатурными кругами и курс на развитие многовекторности может через несколько десятков лет привести к значительному сокращению потребности в поддержании преподавания языков меньшинств.

Литовская языковая политика также выглядит достаточно взвешенной, однако дальнейшее её развитие сложно предугадать. Перспективным выглядит ситуативный альянс с польской диаспорой страны, по своим размерам сходной с русскоязычной и также нацеленной на сохранение национальной культуры.

Эстонские и латвийские власти однозначно настроены на продолжение национализации образования. Прямые контакты с ними по этому вопросу в силу их идеологических установок практически невозможны. Однако, как государства-члены ЕС они обязаны внимательно относиться к указаниям правозащитных органов, а следовательно давление на них возможно через аппарат, например, Совета Европы. Также важно понимать отношение к русскоязычному меньшинству у молодежи Эстонии и Латвии. Понимание того, какое место в их мироощущении занимает нарратив о «советской оккупации», поможет предугадать коридор возможностей после смены поколений в политике страны. Некоторой угрозой также ощущается утрата русскоязычной молодежью этих стран позитивного образа России как исторической родины и их включение в общеевропейский проект. Кроме этого, интересным выглядит и поддержание дискурса о Прибалтике, как об исторической территории, которой было свойственно двуязычие — когда-то местные народы кроме родных языков владели ещё немецким или шведским. Тогда времена Российской Империи и Советского Союза являются временем, когда основным вторым языком являлся русский. Но в таком случае

неизбежно согласие с тем, что все русскоязычные жители Латвии должны также владеть и латвийским на отличном уровне.

Украинская тема является самой сложной и запутанной. Украинская языковая политика однозначно является агрессивно-ассимиляционной. Однако наряду с русскоязычным населением также подвергаются репрессиям по языковому признаку румынская и венгерская диаспоры, так что единственным вариантом для воздействия на Украину в вопросе языкового регулирования является скоординированная позиция по этому вопросу с Будапештом и Бухарестом.

Список источников и литературы

1. Айрапетян А.С. Языковая политика Республики Казахстан в условиях Евразийской интеграции // Современные евразийские исследования: научный журнал. Саратов, 2015. – Вып. 2. С. 27-34.
2. Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155-178.
3. Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года — URL: <http://arch1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения 08.11.2021).
4. Балшайтите Д. О статусе русского языка, о реформе образования и об обучении русскому языку в Литве // Слово.ру: Балтийский акцент, № 2, р. 81-85.
5. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: 2001 — 318 с.
6. В СЕ рекомендовали Украине отложить вступление в силу закона о государственном языке// // ТАСС, 06.12.2019. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7286723> (дата обращения 08.11.2021).

7. Закон о языке Эстонской Республики // Министерство юстиции Эстонии. — URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%d0%97%d0%90%d0%9a%d0%9e%d0%9d%20%d0%9e%20%d0%af%d0%97%d0%ab%d0%9a%d0%95%2015.03.2019.pdf> (дата обращения 08.11.2021).
8. Зверев К.А. Политика Латвии в отношении образования на русском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 82—91.
9. Как на Украине ограничивали использование русского языка // ТАСС, 16.07.2019. — URL: <https://tass.ru/info/6665215> (дата обращения 08.11.2021).
10. Кухтенкова Е. В Казахстане растет число школьников, которые учатся на русском языке // Российская газета, 30.06.2021. — URL: <https://rg.ru/2021/06/30/v-kazahstane-rastet-chislo-shkolnikov-kotorye-uchatsia-na-russkom-iazyke.html> (дата обращения 08.11.2021).
11. Лихачева А.Б. Языки, которые мы выбираем: опыт Латвии // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. 2017 Vol. 14 No. 2. С. 205—210.
12. Милош Ч. Азбука. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 608 с.
13. Милош Ч. Долина Иссы. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. — 424 с.
14. Мисник Л. «Вытесняется естественным путем»: что происходит с русским языком в Казахстане // Газета.ru, 11.08.2021 — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/11_a_13857116.shtml (дата обращения 08.11.2021).
15. Начинали за здоровье: 30 лет назад в Эстонии был принят Закон о языке // Baltnews, 18.01.2019 — URL:

https://baltnews.ee/tallinn_news/20190118/1017321798/30-let-nazad-v-estonii-prinyat-zakon.html (дата обращения 08.11.2021).

16. Ненависть к языку ведет к мракобесию // Лента.ру, 26.03.2021 — URL: <https://lenta.ru/articles/2021/03/26/kaz/> (дата обращения 08.11.2021).
17. Нойман И. Использование "Другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. — 336 с.
18. Параскевич-Кишиневский Д. Права и гарантии: в Литве подготовили новый Закон о нацменьшинствах // Новая газета: Балтия — URL: <http://novayagazeta.ee/articles/32649/> (дата обращения 08.11.2021).
19. Полещук В. Русский язык и языковая политика Эстонии после 1991 года // Наша партия — Партия справедливости Эстонии. — URL: <https://npest.wordpress.com/2007/12/13/estjaz/> (дата обращения 08.11.2021).
20. Ризванова Л.З. Политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Том 150, кн. 7. С. 140-149.
21. Салькова А. «Идет перестройка! Где демократия?» // Газета.ру, 17.12.2016 — URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/12/17_a_10433207.shtml (дата обращения 08.11.2021).
22. СМИ: "Слуга народа" рассматривает возможность отсрочки ликвидации русских школ на Украине // // ТАСС, 15.10.2019. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/7004013> (дата обращения 08.11.2021).

23. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 146-152.
24. Хеймонен-Ермолаева М. Языковая ситуация и языковая политика на современной Украине с точки зрения русского языка. Куопио: 2014. — 88 с.
25. Центру госязыка — 25: этапы большого пути // Sputnik: Латвия, 20.10.2017 — URL: <https://lv.sputniknews.ru/20171020/jubilej-centra-gosudarstvennogo-jazyka-6227404.html> (дата обращения 08.11.2021).
26. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Государственный комитет статистики Украины — URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения 08.11.2021).
27. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам // Статистический комитет министерства национальной экономики РК — URL: <https://www.stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT355258> (дата обращения 08.11.2021).
28. Эстония за 15 лет переведет школьное обучение на эстонский язык // Интерфакс, 08.06.2021 — URL: <https://www.interfax.ru/world/771142> (дата обращения 08.11.2021).
29. Эстония рассказала о штрафах и увольнениях за незнание эстонского языка // РИА ФАН, 21.04.2019 — URL: <https://riafan.ru/1172061-estoniya-rasskazala-o-shtrafakh-i-uvolneniyakh-za-neznanie-estonskogo-yazyka> (дата обращения 08.11.2021).
30. Этнический состав населения Латвии // Статистическое ведомство Латвии — URL:

https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_POP_IR_IRE/IRE010/ (дата обращения 08.11.2021).

31. Этнический состав населения Эстонии // Статистическое ведомство Эстонии — URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (дата обращения 08.11.2021).
32. Estonia State Report // Council of Europe. — URL: <https://www.coe.int/en/web/minorities/estonia> (дата обращения 08.11.2021).
33. Grenoble L.A. Language Policy in Soviet Union. Dordrecht: Kluwert Academic Publishers, 2003. — 238 p.
34. Letter of 40 Intellectuals // Персональный сайт эстонского политика и журналиста Sirje Kiin. — URL: <http://www.sirjekiin.net/40%20Letters.htm> (дата обращения 08.11.2021).
35. Lithuania — Population: Demographic Situation, Languages and Religions // European Comission — URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/population-demographic-situation-languages-and-religions-44_en (дата обращения 08.11.2021).